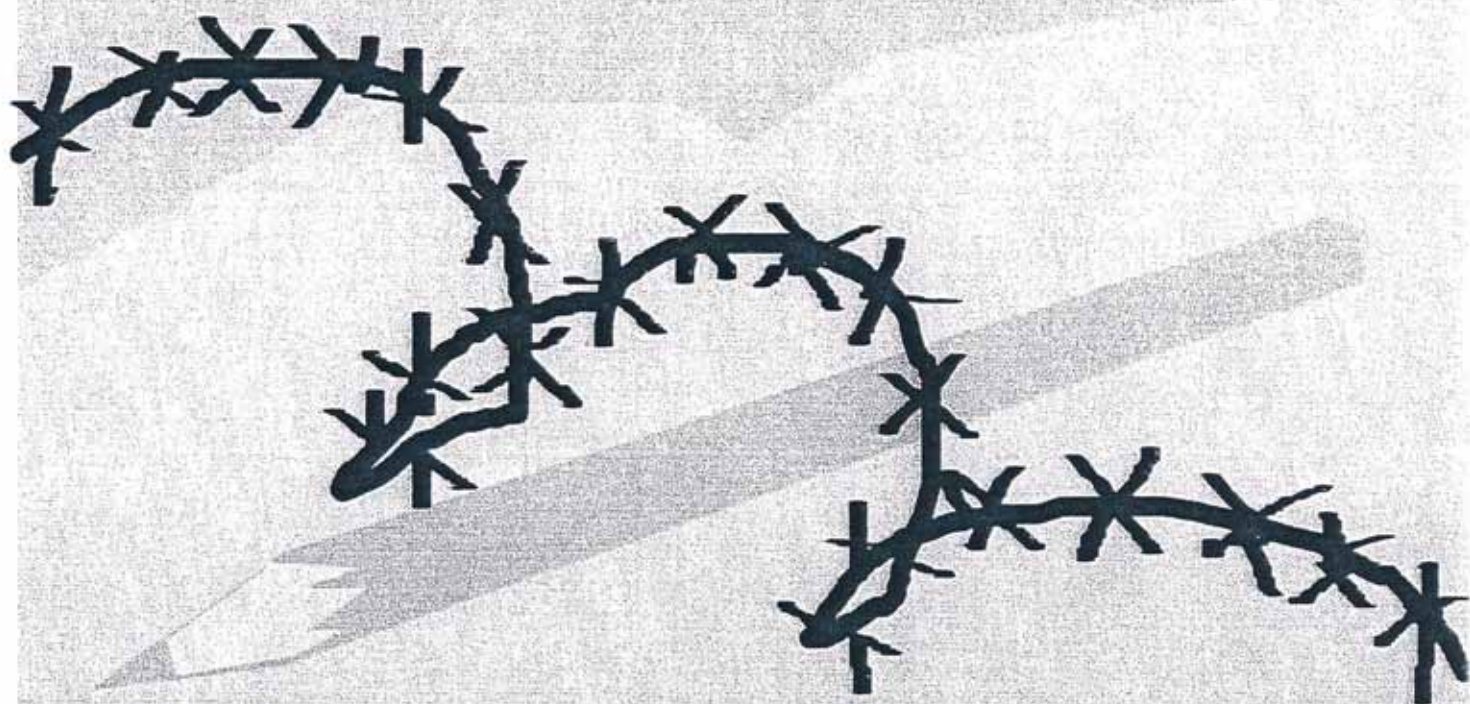


Дневник
Ивана Гурьева



Фамилия: *Гусев*

Имя: *Иван Андреевич*

День рождения: *7. XI – 1914*

Место рождения: *д. Пупково
Кимрский р-он, Калининской обл.*

Лагерь: *IX А*

Доставлен в лагерь (число): *1. X – 1942 г.*

Чин: *Техник интендант 2-го ранга*

Воинская часть: *329-й С.Д.*

Номер военнопленного в германском лагере: *74760*

Имя отца: *Андрей*

Имя матери: *Гоухарова*

Адрес ближайших родственников: *д. Пупково
Кимрский р-он, Калининской обл.
Коваленко Фаине*

Профессия: *адвокат*

Когда и где попал в плен: *15. IV – 42 г.
Вязьма*

Среда, 25 октября 1944

Вечер. Состояние несколько хуже обычного: отсутствие хороших видов на ближайшее будущее. Запасы тают, приобретений не предвидится. Вообще плохо.

Рассказы о математике немного развлекли, вернее, отвлекли от нехороших мыслей. Но плохо одно: война продолжается.

Суббота, 28 октября 1944

Нежные звуки вальса подняли меня с нар. Они плывут в сумраке мрачного вида нашей тюрьмы, бьются о голую грязную стену, носятся между тесными проходами нар-стойл; вырываются через дырявые окна на улицу – на гадкий двор наших застенков и придавленно умолкают в тисках тьмы колючей проволоки. Сырой осенний воздух, нависшее тяжёлое свинцовое небо слушают рвущиеся к свободе и солнцу чарующие звуки гармоник.

Один вид опутанного паутиной проволоки двора наводит уныние. Один вид бараков чего стоит! И гармоника уже бессильна вызвать образы прошлого, недвижно застывшего в нашем сознании. И даже ночью, во сне, когда мысль бессознательно рвётся за пределы нищенского сегодня, его гнусная испытывающая голодом вражеская зона насильно врывается в творческую фантазию сна. И, о ужас, очарование мечты исчезает для того, чтобы уступить место вечно гложащим заботам о телесной пище. Почему хотя бы сон не унесёт меня в мир красоты и довольства, в мир любви и счастья, к подруге, имя которой не уставая шепчут мои губы.

Но образ её всё реже и реже является мне во сне. Всё дальше и дальше отодвигается время встречи.

Три с лишним года отделяют меня от неё. Тысячи вёрст, сонм врагов, страна ужаса лежат на моём пути к ней. И только мысль, которую людям не удаётся подчинить чужой власти, мчит, минуя преграды, к ней – царице моих мечт.

Милая, о как хотел бы я знать, передаётся ли тебе моя тоска, моё неустанное стремление к Тебе, боль, изголодавшегося, но непогасшего в неволе сердца?...

Подумай обо мне, родная, в эту минуту!

1 ноября 1944

Вот он уже пришёл – ноябрь месяц, который мы годами встречали с радостью. Он и сегодня принёс мне сытость. Хорошо не чувствовать голода! Хорошо!

4 ноября 1944

Мне грустно. Это не тоска, сжимающая сердце острой осязаемой болью, от которой некуда уйти и которая нигде не находит места, переходит от одного человека к

другому. Это тихое смешанное чувство, чуть-чуть пощипывающее сердце непонятной но сладкой болью. Тебе кажется чего-то не достаёт, чего-то хочется, и именно, чего-то того, что непонятно и недосыгаемо. Чего же, в сущности, хочется мне в этот момент? Может, мне не достаёт тепла, света, веселья? – Нет, к отсутствию или, вернее, к недостаточности первых двух я отношусь скептически и равнодушно, вследствие их недоступности. Последнего я и не желаю: не время и не место для него здесь.

Может быть, мне хочется того, что изменит мою нищенскую бедную жизнь: победы, радости встречи с Родиной и близкими, главное, с Той, которая и в прошлом, и в настоящем, и в будущем всегда со мной? Да, я хочу этого упорно и настойчиво.

Но ведь нельзя сказать, что я хочу этого в данный момент, ибо знаю, что нет средств и нет возможностей для прихода этих желаний сейчас. Но не желать, только потому, что не иметь, бессмысленно, знаю: грусть – есть мечта, целью которой является стремление к тому, чего нет теперь, но которое возможно в будущем. Правда, мечтать можно не только о возможном. Но в таком случае, чем же будет желание недостаточного и нереального? Иллюзией?...

* * *

Но всё же куда ни кинешь взор,
Везде тюрьма и наш позор,
Как будто зона знает наговор, злой силы наглое глумленье.
Зачем, к чему пишу – пример простейших правил посрамленье...

5 ноября 1944

Сегодня день выдался на славу. Хорошо (конечно, относительно) покушал и как-то веселей на сердце стало. В бараке сегодня не особенно холодно, причём, почти до обеда спал и холода не чувствовал вообще.

Хочется увидеть сияющее радостью лицо жены. Как она хороша, когда довольна мной, именно мной. С собой она никогда не хотела заниматься. У ней не было того нехорошего недовольства, набавления себе цены, самовлюблённости, эгоизма. Весь круг её жизни замыкался мной.

И вот как когда-то давно я видел её и любил всегда её такой, она стоит и сейчас перед моими глазами хоть и не она; а образ её, не стёртый годами, явился мне сюда, на нары, где я пишу при тусклом свете маленькой копилки. Я вижу её, освещённое тихой улыбкой, лицо, без тени кокетства и рисования. Глаза, чистые и грустные, нежно и ласково смотрят на меня. Она счастлива, и всё говорит в ней об этом. Голос её, как нежное воркованье голубки, мягок и проникновенен. Движения простые и лёгкие. В изящном наклоне головы в момент разговора со мной чувствуется большая близость, но близость не подчеркнута выпуклая, которую любят иногда проявить жёны к мужьям в присутствии общества, а такая простая, естественная, что глядя на неё в эту минуту, невозможно усомниться в чистоте и искренности её чувств. Лицо её порозовело, вьющиеся волосы спадают на лоб и она то и дело мягким

движением руки поправляет их. Как девочка, она украдкой время от времени пожимает мне руку, всякий раз заговорщически улыбаясь мне. Её внимательность ко мне не знает границ. Делает она это так мило и просто, что внимательность её не надоедает и не вызывает смущения.

Эх! До чего же хочется увидеть её такой, хотя бы один раз, хотя бы на один миг, чтоб только оживить в сердце своём её образ, чтоб только вдохновиться им и снова ждать, пока не рухнут шатающиеся здания наших тюрем, не разомкнутся дьявольские тенёта колючей проволоки и солнце свободы не ворвётся в наши темницы, а выросшие на наших плечах крылья не унесут нас отсюда навстречу океану мечт.

6 ноября 1944

День мой сегодня начался с неприятностей и думал я, что окончание его будет грустным. Скушав пайку хлеба, правда, с двойной порцией масла, я приготовился к голодному вечеру. Размышления мои привели меня к сознанию всё ухудшающегося положения с питанием и табачком. У меня его оставалось всего едва ли на вечер и то с той жесточайшей экономией, чуть ли не граничащей со скарденностью, с которой орава наших ребят не умеет обходиться так как я. А о пище и говорить нечего. С пайкой ушла и последняя надежда покушать.

7 ноября 1944

В бараке очень холодно и полутемно, как всегда. Впрочем, может быть, чуточку посветлее, т.к. сегодня возможно чтение на моей высоте, в 1½ метрах от пола на нарах, что я и делаю, лёжа на брюхе. Чтение, несмотря на явные неудобства, объясняется той увлекательнейшей книгой, которой я со вчерашнего дня занят, а именно – «Двадцать лет спустя» Дюма. Следя за виртуозным умом д'Артаньяна, поражаясь его удивительным похождениям, я всё же на минуточку оторвался от него, потому что сегодня слишком замечательный день, чтобы ничего не отметить о нём в мой блокнот.

Сегодня на Родине моей Большой Праздник. Он же и удивительнейшим образом совпал со знаменательным событием в моей жизни: сегодня, 7 ноября (25 октября по старому стилю) мне исполнилось 30 лет. 30 лет!

Я уже перешагнул мир юности, мир красоты и мечт. Теперь иной начался путь – путь к старости. Будет ли счастлив этот последний путь – кто знает, но знаю твёрдо одно: его начало нехорошо. Я пленник. Надолго ли? Суждено ли птичке ещё раз увидеть волю?

12 ноября 1944

Сегодня день моих именин. Сама судьба, сжалившаяся на этот раз надо мной немного, принесла добавочную пищу, не предусмотренную, в мой дневной рацион. Дни стоят не очень холодные. На улице хотя и слякоть, но погода тёплая. Скоро наступит вечера, когда только постель будет согревать нас. Очевидно, придётся провести здесь ещё одну, по счёту третью, зиму. Первая была кошмаром, трудно укладывающимся в сознании. Это было время жуткой борьбы угасающего тела с жестокой жизнью. Вторая была сравнительно лучше. А какова будет третья – решит время. Можно одно только сказать, что я уже не тот и духом, и телом. Я научился ждать и верить, что правое дело восторжествует.

20 ноября 1944

Ничего не хочется делать: лень и нехорошее предчувствие. Спать! Потом разберёмся.

26 ноября 1944

Образ не по-земному милой (чистейшей прелести – чистейший образец) вызвал в сердце моём более живой и поэтому более обоятельный образ моей Феи.

Где ты, моя Офелия, думаешь ли Ты обо мне, души моей единая отрада,
звезда моих мечтаний и надежд,
и снов, и сладких дум, царица неземная,
волшебный света луч в ночи судьбы моей?
А веришь ли, что вдалеке от Родины, страдая и терзаясь,
бездействием и совестью томясь,
живу надеждой встретиться с тобою и вновь, как прежде,
всё лучшее во мне сложить к твоим ногам:
отдать тебе огонь, разлукою пополненной, любви;
всю силу опыта, накопленного мной, за годы тяжких лет;
и трезвость разума, и чистоту души,
прошедшей через горнило мук и горечь унижений.
Всё, что я имею, что я могу отдать тебе одной
И лишь за то, одно, что среди хлама прошлых лет воспоминаний
незабываемой красой сверкает в памяти моей
один алмаз – любовь твоя и верность.

10 декабря 1944

Днём шёл снег. Тяжёлые мокрые хлопья падали на грязь и лужи и таяли, не оставляя следа. В бараке исключительно холодно особенно до обеда. Вчера прошёл слух, что некоторых из нас посылают в команды. Относительно меня много непонятностей: то ли остаюсь, то ли еду. Пока ещё сегодня не объявляли и уже, пожалуй, не объявят – поздно. Завтра увидим.
Сегодня съел последний хлеб. *Das ist sehr schlecht!*

11 декабря 1944

Петрович, Жорка, Новицов и Пётр Иванович ушли сегодня из мастерской. Я остался. Надолго ли?

Начинается новая эра в моей жизни. Или хорошо будет, или плохо. Середины быть не может.

На улице бело от выпавшего ночью снега. В середине дня немного помягчало, но ненадолго. Зима началась и притом её начало принесло новость в наше маленькое товарищество. Между прочим, мало кто жалеет о случившемся. Оно и понятно: мы надоели друг другу так же, как надоело нам «всё это». Надоело до чёртиков, до тошноты.

13 декабря 1944

Петрович, Жорка, Новицов уже уехали вчера. Прошин назначен к Петровичу во Флиден. Очередь за мной. Неужели в плохую, самую худшую, как почему-то думаю я, назначат меня?

Состояние духа ужасное – не найду места. Табаку – на день. Хлеба нет. Голодно.

Ах, какое нехорошее время. И война всё продолжается.

Холод вчера и сегодня невообразимый, хотя на улице не более 8 – 10 градусов мороза. Прошлую ночь мучился от холода так, как, мне кажется, не мучился уже со времени зимы 42 – 43 г.г. До обеда были в бане. Разделись, отдали в дезкамеру бельё, но не помылись: не работала электросеть. Обед из-за той же причины был в первом часу. После обеда лёг, но замерзающие ноги не дали уснуть. Встал, как оглашённый бегал, пытаюсь согреться по бараку, но ... всё равно холодно было. Благодаря вареву за тапочки не брался.

Ах, как ужасна наша жизнь! Когда, когда же придёт конец этому ни на что не похожему кошмару? Когда же?!

Фея, милая, вспомни обо мне, родная!

19 декабря 1944

Чёрные дни. Неудача за неудачей.

21 декабря 1944

Впервые сегодня в бараке так холодно. Замерзают ноги и руки. На улице луна и мороз.

Завтра 3,5 года войны. О, как долго длится она. Впрочем, пусть: финал ещё не наступил, а он должен быть, хотя бы во имя Справедливости.

Ребята играют и поют. Слушая их, я думаю, что несмотря на холод, голод и др. лишения, мне всё-таки лучше, чем в этот же период в 1942 году. На этот раз я уверен в конце войны и прочего и жду его.

24 декабря 1944

Ночь под Рождество, правда - Рождество не наше русское, немецкое.

Сварил какую-то мучную, противно-сладкую жидкую похлёбку. Ни на что не похоже, хотя продуктов было столько же, сколько вполне хватило бы на варево, которое я иногда устраивал. Это всё из-за недостатка опыта. Хотя и хочется есть, все вдруг закурили, хотя курить и нечего.

Каждый воскресный день звонит колокол собора св. Петра, что в Риме. Здесь он передаётся по радио. Давно забытое и далёкое в контрасте с проклятым настоящим встаёт в памяти детство, деревня. Звон колоколов возвещал тогда славу нарождающегося праздничного дня. Теперь же он звучит словно насмешка над опоганенной немцами жизнью. Ввергнув мир в пучину хаоса и разрушения, они притворяются верующими в светлое начало, идею, чистую и прекрасную в своём стремлении посеять в мире добро и любовь.

26 декабря 1944

Прошло Рождество. Эти дни были днями мук. Холод в бараке невообразимый. И спать, и ходить, и сидеть холодно. На улице вчера было -10 градусов. Сегодня, по видимому, больше. Голод – первая причина всего, делает холод, подчас невыносимым. Только и согреваешься по вечерам, когда топится единственная печка на весь огромный сарай-барак, заселённый всего на 1/6 своей вместимости. Впрочем, топлива для неё хватает на 3 – 4 часа, меньше даже!

Сегодня попробовал свою чёрствую пайку подогреть в наглухо закрытом котелке, влив на дно несколько капель чая. Получился хлеб наисвежейшей выпечки. Почему я это не знал раньше.

Завтра на работу. Там хоть согреюсь.

7 января 1945

Наше Рождество на Руси. Крепкие скрипучие морозы. Дома, сады, леса, тыны и изгороди – всё это в пушистом искрящемся инее. В лунном сиянии ослепительное

сверкание причудливых снежинок. Громкий скрип идущих ног сливается с гулкими выстрелами трескающего на морозе дерева. Сизый дым высоко поднимается к небу. В домах тепло и уютно. Шопяты лежанки. Яркое пламя вспыхивает в объётом сумеречной мутью доме, нежит и манит протянуть навстречу ему руки. Девушки и ребята принаряжаются для посиделок. На улице песни. Далеко в чистом морозном воздухе разносятся молодые задорные голоса.

Это Родина и это было давно. Годы и многосотвёрстное расстояние отделяет меня от неё.

Здесь Германия. Холод сливается с голодом, рождает муки, нестерпимые муки коченеющего тела. Бездушие, безотрадная безвольная тоска, переходящая в апатию, в покорное роковое оупение. Мысль бежит, не в силах сосредоточиться на одном предмете. Сквозит одно: мёрзнут ноги, спазмы голода рвут горло.

На улице – темень. Грязной серой пеленой, едва видный, лежит жиденький снежок. Всюду проволока. Она спутала нашу жизнь и время. И даже вечно стремящееся вперёд, запуталось в этом хаосе и застыло для нас. И кажется, что не будет конца зиме, холоду, голоду, тоске, неволе. И кажется: нет на свете и не было жизни, для которой мы родились, нет и не было родных и близких, теплоты, ласки, участия. Царство ужаса и страданий – наше Время, безысходность – наш Удел.

А завтра – то же. И так без конца влачащаяся в жизненной пустоте лямка жестокой судьбы-искусительницы...

Табак на одну жиденькую закурку. Без него ещё большая тоска. Выдадут не ранее 20-го. Значит, 13 дней не курить. Плохо. Холодно, а спать нет охоты. Глупо как всё устроено. Жить, хоть и жутко, страшно, тяжело, но жить. Ради чего, в сущности?... В ближайшем будущем ведь, пожалуй, смерть. Трудно верить, что страдания – путь к счастью...

* * *

«Скажи, зачем Тебя я встретил,
Зачем тебя я полюбил,
Зачем твой взор улыбкой мне ответил,
И сердцу муки подарил?»

(«Пути небесные»)

Четверг, 11 января 1945

Тот же холод. Читаю «Пути небесные» Гумилёва. Новая книга немного развлекла. Но та ж тоска. П. ходил к врачу проситься в команду. А что делать мне? Ожидать здесь? Да?

Пятница, 12 января 1945

На улице оттепель. Плачут крыши. Становится теплее.

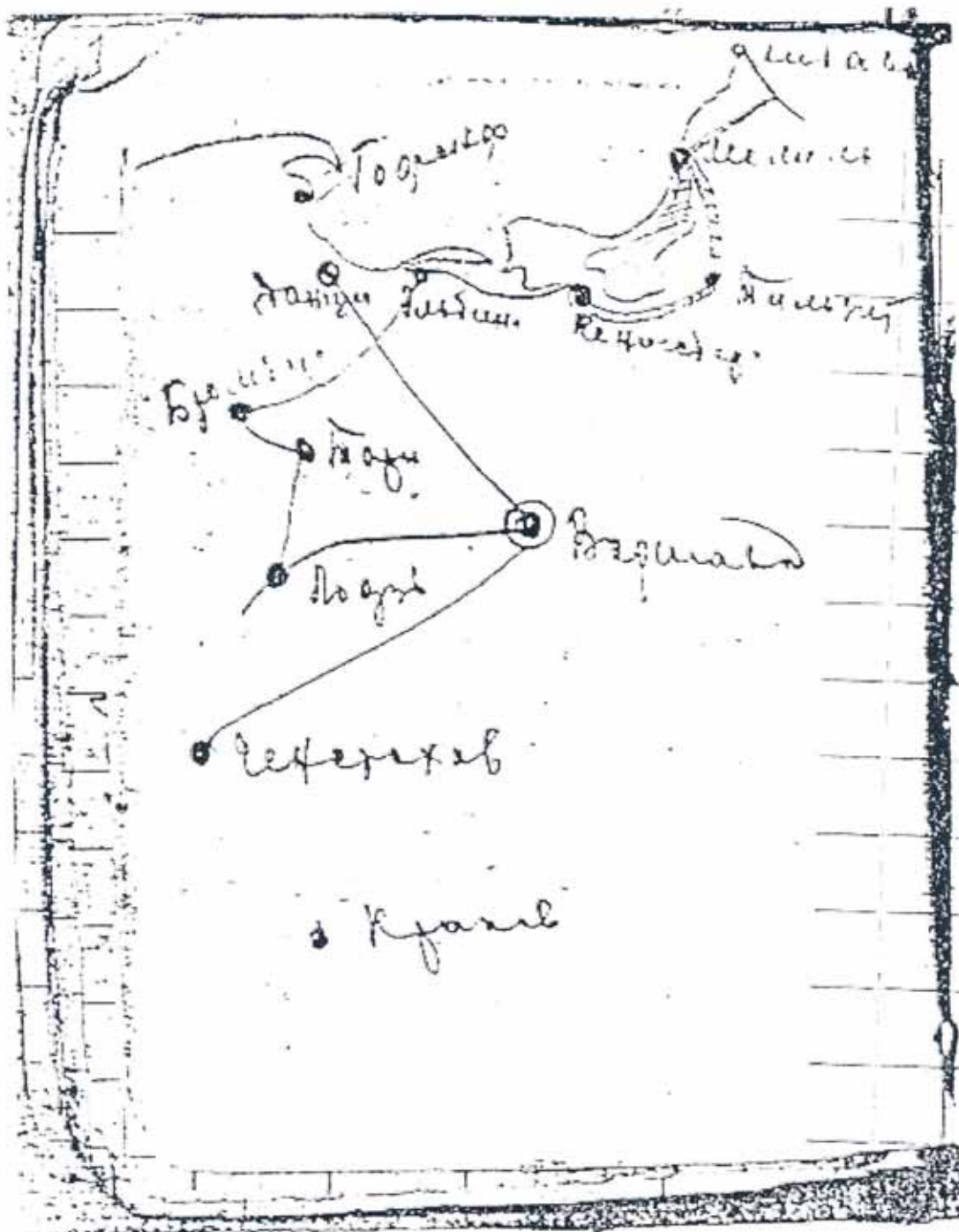
Воскресенье, 14 января 1945

День Нового года по старому стилю. На улице крепкий мороз, почти «русский» мороз. В бараке нас полсотни. Холод страшный. Бегал в поисках теплоты по бараку.

Среда, 17 января 1945

Плохо дело. Хлеба нет. Голод прежний. Судьба.

Скука какая! Наши у Краково и Ченстохова. Идут родимые! Скорее бы, скорей!...



Дылда и «Профессор» ушли сегодня из барака. Вот уже 10 дней без табака. Курить хочется.

Воскресенье, 21 января 1945

Вчера вызывали на визит. Из восьми одного меня признали здоровым. Теперь жду назначения в команду.

Мне страшно надоело здесь. Скорей бы!

Пятница, 2 февраля 1945

31 января началась оттепель. За эти три дня стаял почти весь снег.

Где б ни был я, куда б ни занесла меня судьба,
Тебе я буду верен.
У разума, у воли – два весла,
Я с ними в море жизни не потеряю.
Они помогут утлый чувства чёлн
Вернуть в семью, скорбящую в разлуке.
Где б ни был я, тобой всегда я полон,
Твой образ облегчает сердца муки.

Воскресенье, 4 февраля 1945

Вчера было тепло, а сегодня уже холодно. Снега нет. Но за ночь так подморозило, что за весь день не отпустило.

День проходит сегодня скучно. До 9-ти – баня, после бани до обеда – чтение на койке. Обед, надо сказать, сегодня неплохой (гороховый суп). После – снова чтение. Замёрзли ноги, пришлось утеплять носки.

Наши, будто бы, переправились через Одер в районе Франкфурта.

Опять бомбёжка на Западе, ещё более сильная чем вчера. Сплошной грохот.

Конец 10-го или начало 11-го ночи. 31 человек спят. Один я стою у остывающей чугунной печки, и хотя тоже хочу спать, но медлю уходить от благодатного тепла в холод неуютной и грязной постели нар.

Слушаю заунывный вопль ветра в трубе и думаю о том времени, когда слушал это тоскливое завывание, лёжа на горячей печке у себя в деревне. Повторятся ли эти знакомые родные мотивы?

* * *

«Есть другое счастье на земле, истинное и единственное счастье, заключающееся в самосознании, кто ты и что ты значишь в той жизни для других, в той сфере, которая не доступна ни грязным рукам проходимца, ни роковым случайностям»

Гарин-Михайловский

Пятница, 9 февраля 1945

Ноль хлеба и 2,5 кг гороху – вот результат вчерашней дневной работы. Правда, горох никуда не годен, т.е. относительно, но по нашему стрёмно, посмотрим, как будет развариваться.

Надо форсировать жизнь, т.е. работать побольше и понахальнее, иначе – прозябание.

Не курю уже с пятницы, т.е. неделю. Но со времени первого перерыва 15 дней, а курить не разучился.

Суббота, 10 февраля 1945

Дышать трудно. Шолько что сделал тапочки.

Воскресенье, 11 февраля 1945

Вот и воскресенье уже. Шолько что пришли из бани. Скучно и холодно. Сырость ужасная. Дыхание испускает такой пар, что кажется!¹...

Среда, 14 февраля 1945

Погода стоит прекрасная, словно конец или середина апреля в средней части Союза. Почти высохла грязь. Солнце уже греет и прямо с каждым днём забирается выше и выше.

Четверг, 15 февраля 1945

Смутно на сердце. Когда же, наконец, я прерву бездеятельную пустоту своей жизни.

Воскресенье, 18 февраля 1945

Ах как мне не везёт. Сегодня кинокартина была. Да к тому же 2 раза за день, т.е. с перерывом на обед. Картина неплохая, авантюрная, а вторая – три журнала и нечто вроде²...

Погода по-прежнему весенняя. Удивительно! Впервые вижу весну среди зимы. Второй уже год здесь читаю «Гимназисты» Гарина-Михайловского.

¹ В оригинале нет конца предложения

² Следующее слово неразборчиво

Кажется, это часть его трилогии. Должны быть «Детство Тёмь» и «Студенты». Если мне удастся выжить, вернуться домой, на Родину, нужно прочитать эти две книги.

А выжить становится с каждым днём труднее. Суп страшно жидкий и то чуть побольше литра. У меня не хватает терпения хлебать воду и я просто пью через край до густоты, состоящей 1/3 порции. А вечером 300 гр. хлеба. И это всё, всё!

Боже мой, как это всё невероятно трудно.

Проходит Февраль. Наши почти остановились. Запад по-прежнему пассивен. Неужели будущая неделя (до 25 февраля) не принесёт новостей, вернее ожидаемого давным-давно сдвига на Западе?

Интересно: вот уже третье воскресенье стою дольше всех у печки и пишу. Все, все лежат, многие спят, а у меня дурацкая привычка ложиться тогда, когда становится невозможно от сна.

Итак, спать! Ах, хорошо бы проснуться свободным, а не рабом, хотя завтра это не будет.

Суббота, 3 марта 1945

Вчера мы последний день работали в мастерской. Сегодня полный день валяюсь на нарах. Равнодушие к ожидающей меня судьбе полнейшее. Мне жаль только одного, что остаётся товар, который, я боюсь, останется не произведённым в готовые вещи, которые так нравятся мне, когда я смотрю на дело своих рук. Хотя толку мало в них. Забота, наживаемая, благодаря им, не окунается – по-прежнему.

Ах, как скучно! Холодно сегодня. Март также, как и в прошлом году, принёс снег, слякоть и стужу.

Завтра, пожалуй, следует заняться ботинками. А сегодня уже не стоит: праздник, выходной. Хотя сколько ещё будет выходных – пустых и голодных дней.

Снова Феня ночью являться стала мне во сне.

Года прошли, но ты по-прежнему всё та же
В мечтаньях моей тоскующей души,
В манящем зове трепетных мираж,
Встающих предо мной в полуночной тиши.
Всё тот же чудный взгляд,
Ласкающий и нежный,
Задумчивая грусть
Правдивейших очей,
Всё так же голос Твой
В душе моей мятежной
И будит, и зовёт
Любовь минувших дней.

Милая, родная, обаятельная, где Ты? Ждёшь ли, дождёшься ли, признаешь ли? О, как грустно – далеко до этого! Нет, я не могу, не смею мечтать о встрече. Ведь это

прежде всего значит выйти отсюда, ведь это означает радостные события в то время, когда всюду царствует ужас смерти. Нет, эта мечта уж слишком нереальна и беспочвенна, она не для меня, 3 года выносящего позор и ужас неволи, а потому не смеющего смотреть дальше недели вперёд.

«Если тебе понравится девушка и ты почувствуешь, что она – создание капризное и коварное и не способно оценить тебя по достоинству, сделай над собой усилие и оставь её, чего бы ни стоило тебе это усилие. Беги, потому что, когда мужчина бежит от женщины, он одерживает победу не только над ней, но и над самим собой.» Это Наполеон сказал. «Беги немедленно.»

«Мы знаем, каждый век по-новому богат и каждый миг по-новому чудесен.»

Воскресенье, 11 марта 1945

По-настоящему голодные дни. Меньше литра воды, именуемого суппом (несколько ложек разваренного картофеля, несколько ложек брюквы или травы и вода) и плюс 250 гр. хлеба. И это всё за день. Удивительно, как ещё пишешь!

Суббота, 17 марта 1945

Силы каждый день оставляют моё худеющее тело. Иногда я замечаю, что голод медленно, но верно ослабляет мою психику. Я становлюсь растерянным, как ребёнок. Голода уже почти не чувствую, но день и ночь от ослабления кружится и болит голова.

Курить никак не могу кончить, и каким мерзким я кажусь всякий раз себе, когда громадным усилием воли, подавляя стыд, прошу у ребят деланно-безразличным или заискивающим тоном докурить. Чуть ли не ежедневно приносят они табак. Среди них мой, спящий на нижних нарах земляк – белорус из Могилёвской области, он из офицерской команды. Ребята прибыли с табачком. Крепкий, напоминающий гродненский времён осени 39-года. Табак теперь никогда не выводится у меня. Конечно, вовсе не потому, что у меня много его, а скорее наоборот – мало: дадут на закурку, а я делаю из неё 4-5.

Воскресенье, 18 марта 1945

Вчера и сегодня мы с Анатолием варили пшеничную кашу. А завтра что?...

Среда, 21 марта 1945

В 12 часов дня мы услышали гул самолётов и взрывы авиабомб где-то в районе ж/д путей и станции ТПрайза и Цигенхайн. Потом один самолёт долго кружился за восточной стороной лагеря. Затем появился второй, высмотрел какую-то цель, они сбросили в полукилометре от нас несколько мелких бомб, сопровождающихся пулёмётными очередями. Весь многочисленный лагерь без страха подвергнуться бомбёжке, высыпав на лагерную площадку, смотрел в небо. В стороне от лагеря на высоте 1000-1500 м. пролетели ещё 4 самолёта. Один из 2-х первых английских штурмовиков низко пролетал над нами. Сделав разворот, он вернулся. Я стоял у проволоки и отчётливо видел, как, перегнувшись на сторону, самолёт на высоте до 500 м. летел прямо на нас. Вдруг гулко застучал пулёмёт, от самолёта с обоих бортов в нашу сторону взметнулись две дымные полосы. Вначале никто не хотел верить, что это по нам, но когда люди поняли: это быть может вследствие непрекращающейся пулёмётной очереди, все бросились в бараки.

Я прилёг в сенях. Послышался ободряющий крик: «Это по вышке!» Но вслед – другие: «У французов выносят раненых!»

В результате обстрела – 12 убитых, 125 тяжело раненых французов и англичан. В нашей мастерской ранен один сапожник.

Воскресенье, 25 марта 1945

Прекрасные дни. Небо не омрачается ни облачком. Ветра нет. Солнце уже начинает печь.